

Инна Проскуряк

ТУЗ ДУРДОМА

Книга 4

18+

Инна Проскурjak

Туз дурдома

<https://litres.ru/73998923>

SelfPub; 2026

Аннотация

Петербург, июнь. Белые ночи сводят город с ума, а в кофейню «Жук» на Гороховой выстраивается очередь из клиентов, чьи проблемы звучат как анекдоты. Таролог Ася берётся за самые странные запросы: проклятый автомобиль, кот-посредник, похищенная судьба и мужчина, который полгода не выходил из квартиры. Между делом — записи подкаста с подругой-астрологом, планирование ребёнка с любимым программистом и борьба с подгорелым печеньем от бармена Димы.

«Туз дурдома» — это сборник историй, в которых карты Таро работают как зеркало, юмор — как обезболивающее, а Ася — как та самая подруга, которая скажет правду и нальёт ещё американо.

Четвёртая книга серии «Истории одного таролога». Ироничная женская проза, трагикомедия. Для читателей, которые ценят живой язык, самоиронию и психологическую глубину без пафоса.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	21
Глава 4	31
Глава 5	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Инна Проскуряк

Туз дурдома

Глава 1

Жара, Пятый канал и дама с попугаем

В июне Петербург сходит с ума не постепенно, а как-то сразу. Ещё вчера ты куталась в шерстяной палантин и материла ветер с Невы, а сегодня солнце лупит так, будто у него личные счёты с городом на болоте. Асфальт плавится. В «Жуке» кондиционер умирает, и Дима ставит на стойку вентилятор, который гудит, как взлетающий кукурузник. Сиропы нагрелись до температуры тела.

Я сижу за своим обычным столиком у окна, мешаю американо и жду клиентку на одиннадцать. Смотрю в телефон. Там пост Анжелики про ретроградный Меркурий, который, разумеется, вот-вот начнётся и всё нам испортит. В паблике у меня — девяносто семь непрочитанных сообщений. Кто-то снова спрашивает, правда ли, что карты Таро — сатанинская атрибутика. Я закрываю паблик и смотрю в потолок.

Входит она.

Дама лет пятидесяти, в шёлковом платье с пальмами, в соломенной шляпе. На плече — клетка. В клетке — попугай.

Волнистый, зелёный, с таким видом, будто его только что вытащили с корпоратива.

Я делаю глоток американо и внутренне готовлюсь.

— Здравствуйте! — пропевает дама, ставит клетку на соседний стул. Попугай немедленно орёт: «Чао!»

— Доброе утро, — говорю я. — Я Ася. Это...

— Жорик.

— Очень приятно. Я надеюсь, Жорик будет соблюдать конфиденциальность.

— Ах, что вы! Жорик нем как рыба. — Жорик в этот момент издаёт звук микроволновки.

Я раскладываю платок. Жорик переступает лапками. Косится на колоду. Чувствую конкуренцию.

— Ну, давайте посмотрим, что там у вас под капотом.

Дама нервно поправляет шляпу. Красивая, ухоженная, но в глазах — бегущая строка тревоги. Зовут её, как выяснилось, Альбина Генриховна. Бывшая балерина, ныне — владелица маленького зоомагазина. Пришла с вопросом, который я слышу примерно раз в неделю, но каждый раз в новой аранжировке.

— Ася, — говорит она, понизив голос, — я подозреваю, что мой муж мне изменяет. Но мне нужны не просто карты. Мне нужны... доказательства.

— Альбина Генриховна, — говорю я, — я таролог, а не частный детектив. Если бы я умела добывать доказательства, я бы сидела в агентстве «Натали» и брала за слежку в два раза больше.

— Но вы же видите по картам!

— Я вижу по картам энергию. А не переписку в Телеграме.

Попугай кричит: «Не верю!» Станиславский, блин.

Я вздыхаю и вытаскиваю три карты. Всё равно она уже оплатила консультацию — за две с половиной тысячи можно

позволить человеку немного иллюзий.

Первая карта — Пятёрка Кубков. Мужик в плаще смотрит на три упавших кубка. Классика жанра.

— Ну вот, смотрите, — говорю. — Вы сейчас в позиции, когда видите только плохое. Что ушло, что пролилось, что испорчено. Стоите спиной к двум кубкам, которые ещё полны. А значит — не вся информация у вас есть.

Альбина замирает.

— То есть он мне не изменяет?

— Я вам сейчас скажу глупость. Но давайте предположим, что Вселенная сегодня с похмелья. Пятёрка Кубков — это про то, что вы сосредоточены на трёх кубках, которые упали. А про два, которые стоят, вы даже не спрашиваете.

Вторая карта — Рыцарь Жезлов. Красавчик на коне, весь в огне. Типичный «принц на белом коне», который скачет, сам не зная куда.

— Рыцарь Жезлов. Мужчина в движении. Проекты, азарт, энтузиазм. Обратите внимание, он скачет один. Никаких дам на горизонте. Он просто... очень занят.

Альбина трёт висок.

— Он, знаете, бизнес открыл недавно. Доставка кормов для собак. «Пёс-экспресс» называется. У него теперь телефон не умолкает.

— Ну вот, — киваю. — Слышите? Это не женские голоса. Это лабрадоры и таксы.

Жорик выдаёт: «Проверь телефон!» Я начинаю уважать эту птицу.

Третья карта — Верховная Жрица. Женщина между колоннами, со свитком в руках. Занавес. Гранат. Луна в ногах. Тайна, интуиция и полное отсутствие конкретики.

— Верховная Жрица, — констатирую. — Карта номер два. Ночная, лунная, загадочная. Что она делает в вашем раскладе? Она говорит: успокойся, женщина, и включи свою собственную интуицию. Задай вопрос не мне, а себе. Почему ты не веришь человеку, с которым живёшь? Почему маешься? Чего боишься на самом деле?

Альбина смотрит на карты. Потом — на попугая. Тот молчит. И это молчание красноречивее любых слов.

— Я боюсь, — говорит она вдруг обычным человеческим голосом, без этих напускных «ах, что вы». — Что он меня разлюбил. Потому что я — уже не та балерина. И бизнес у него, а у меня — клетки и какаду.

— У вас, — уточняю я, — волнистый попугай.

— Это я от скромности.

Мы молчим. Дима за стойкой борется с вентилятором. Тот издаёт звук, похожий на предсмертный хрип тостера.

— Слушайте, Альбина Генриховна. Карты вам сказали три вещи. Первое: вы видите только пролитое молоко. Второе: ваш муж сейчас верхом на своём бизнесе, и ему не до интрижек. Третье: ответ вы уже знаете. Просто боитесь его услышать. Сходите к нему на склад, гляньте на эти мешки с кормом, и посмотрите ему в глаза. Там всё написано.

Она кивает. Потом вдруг протягивает руку к колоде.

— Можно мне потрогать?

— Можно. Только Жорику не давайте. У него клюв заточен под картон.

Альбина смеётся — впервые за консультацию. Гладит рубашку Императрицы. Вздыхает.

— Мне кажется, я просто устала от жары. И от этой белой ночи. Спать невозможно. Мысли лезут.

— Это да, — соглашаюсь. — В июне у всего города съезжает кукушка. Вы ещё ничего, вон у Димы спросите — третья клиентка за неделю приходит с подозрениями. У одной муж, кажется, изменяет. У другой — кот. Причём соседскому коту. Скандал, улики в виде шерсти. Шекспир отдыхает.

Альбина встаёт. Берёт клетку. Жорик на прощание выдаёт: «Доказательств нет!» — и мы ржём уже обе.

Когда она уходит, я иду к стойке за добавкой американо. Дима смотрит на меня с уважением.

— Попугай — это что-то новое.

— У нас каждый день — открытие. Напомни мне заказать в лекторий лекцию «Ретроградный Меркурий и его влияние на мозг владельцев зоомагазинов».

— Уже записал.

Я возвращаюсь к столику. Телефон мигает — Лёня пишет в Телеграм:

Лёня: «как дела?»

Я: «попугай клиентки меня троллил»

Лёня: «попугай — это уровень. у меня тут прод бэкенда упал. предпочёл бы попугая»

Я: «не зарекайся. он орёт «чао» каждые две минуты»

Лёня: «напиши пост в паблик. про попугая. рейтинг взлетит»

Я: «я подумаю»

Лёня: «в любой конфигурации»

Я улыбаюсь и открываю заметки. Набрасываю в паблик:

«Расклад на кухне»

Сегодня консультировала даму. У неё попугай Жорик. Жорик — скептик. Когда я сказала про Верховную Жрицу, Жорик сказал: «Проверь телефон». Я чуть не выронила колоду. Карты картами, но если у вас завелся внутренний Жорик — слушайте его. Иногда он орёт дело.

Ставлю хештег #туздурдома. Красивое. И иду домой — к Лёне, к хвойному гелю для душа и к кондиционеру, который у нас хотя бы не орёт как кукурузник.

Глава 2

Транспортная магия и её последствия

На следующий день жара не спала. Она, кажется, вообще решила взять город в заложники. Белые ночи превратили петербуржцев в бледных, немного безумных мотыльков — все ходят с красными глазами и видом лёгкого помешательства. Дима сказал, что кондиционер починят не раньше четверга. Анжелика прислала голосовое: «Если Меркурий не развернётся к пятнице, я переезжаю в Мурманск». Я ответила: «Там тоже люди. И карты».

В двенадцать часов в «Жук» вкатывается клиент. Именно вкатывается — потому что первое, что он делает, это кладёт на стол передо мной брелок от машины. Здоровенный такой, с эмблемой «Фольксваген». Смотрит на меня так, будто я сейчас проведу над ним обряд экзорцизма.

— Ася? — уточняет.

— Допустим. А вы?..

— Игнат.

Игнату около тридцати пяти. Спортивная куртка, несмотря на жару. Стрижка аккуратная, взгляд затравленный. Типичный менеджер среднего звена, который три года копил на Пассат и теперь не может спать спокойно.

— Кофе будете? У нас хорошая обжарка.

— Нет, спасибо. У меня и так нервы.

Он садится. Смотрит на брелок, потом на меня, потом на колоду, которая лежит на платке, как вещественное доказательство.

— Вы только не смейтесь, пожалуйста.

— Я таролог, — говорю. — Конкуренции не выдержу.

Игнат не смеётся. Он слишком серьёзен для смеха.

— Понимаете, — начинает, понизив голос. — Я купил машину три недели назад. Пассат Б7. Пробег сто двадцать тысяч. Два хозяина. Состояние — конфетка. Смотрел с мастером, пробивал по базам. Всё чисто. Но с первого дня...

Он замолкает, как будто боится произнести вслух.

— Что — с первого дня? — подбадриваю.

— Она меня не любит.

Я откидываюсь на спинку стула. Смотрю на брелок. Брелок молчит.

— Давайте уточним. Машина — не человек. У неё нет чувств.

— Вот и я так думал! — Игнат поднимает палец. — А теперь слушайте. День первый: забираю из салона, выезжаю на набережную, загорается чек. Возвращаюсь — говорят, ошибка датчика, сбросили. День второй: утром не заводится. Аккумулятор. Новый аккумулятор! День третий: паркуюсь у дома, утром выхожу — зеркало разбито. Никто не видел, камера не записала. День четвёртый: голубь. Огромный, жирный, петербургский голубь спикировал на капот. Прямо в центре. Я мыл три раза!

Я начинаю понимать, куда дует ветер. Но не перебиваю.

— День пятый: магнитола начала сама переключать станции. Я слушаю Бизнес ФМ, она включает Дорожное радио. Я ставлю тишину — она орёт: «А на Дворцовой пробка!» без причины. День шестой...

— Стоп, — говорю. — День шестой я уже боюсь слушать.

— В день шестой, — трагическим шёпотом, — сработала сигнализация в три ночи. Я выбежал в трусах. Никого. Только соседка с пятого этажа смотрела на меня с балкона. Теперь меня во дворе называют «тот самый в трусах».

Я беру паузу. Дима делает вид, что протирает кофемашину, но я вижу — уши горят.

— Игнат, — говорю мягко. — Вы пришли к тарологу. Не к шаману. Я не снимаю проклятия с автомобилей.

— Но вы же можете посмотреть, в чём дело! Может, на машине негативная энергия? Может, предыдущий хозяин её проклял? Или она попала в аварию и теперь...

— Стоп-стоп. Давайте без «негативных энергий». Это противоречит моей профессиональной этике и личной картине мира. Но давайте сделаем расклад. На вас. Потому что машины, знаете ли, иногда становятся зеркалом.

— В каком смысле?

— В прямом. Таро — это психологический инструмент.

Если с вами происходит одна и та же история в разных обёртках, значит, дело не в машинах, голубях и Дорожном радио. Дело в том, что вы транслируете в мир. Ну что, смотрим?

Он кивает. Я снимаю колоду с платка и начинаю тасовать.

Первая карта — Восьмёрка Мечей. Женщина с завязанными глазами, вокруг мечи торчат, как частокол. Но самое смешное — ноги у неё свободны. Иди, дура! А она стоит.

— Ну вот, смотрите, — показываю. — Восьмёрка Мечей. Классическая ловушка ума. Вы сами себя ограничиваете. Вы накрутили себя так, что теперь ждёте подвоха от машины. Она вам кажется живым существом, которое вас ненавидит. А на самом деле вы просто боитесь.

— Чего боюсь? — не понимает Игнат.

Вторая карта — Туз Пентаклей. Золотая монета в руке, выходящей из облака. Сад за спиной. Изобилие. Материальный успех.

— Туз Пентаклей, — объясняю. — Вы копили. Долго. Откладывали. Мечтали о Пассате. И вот он у вас есть. Но вместе с ним пришёл страх: «Я недостойн. Это слишком хорошо, чтобы быть правдой. Сейчас всё сломается».

Игнат молчит. Смотрит на карту так, будто она ему только что рассказала содержание его банковской выписки за последние полгода.

Третья карта — Шут. Мой любимый дурак с котомкой, который шагает в пропасть и смотрит в небо.

— Шут, — говорю я. — Карта номер ноль. Начало пути. Лёгкость. Свобода. Вопрос: когда вы последний раз просто ехали и получали от этого удовольствие? Не ждали, что сейчас чек загорится? Не прислушивались к магнитоле?

— Я... — Игнат задумывается. — Я не помню. Я всё время напряжён за рулём. Как сапёр на минном поле.

— Вот! — я тычу в карту пальцем. — Вы садитесь в машину как на экзамен. А она — просто железо. Хорошее, немецкое, надёжное железо. Но оно считывает ваше состояние. Не в эзотерическом смысле, а в прямом: вы нервничаете — вы дёргаете руль — вы поздно тормозите — вам кажется, что машина «не слушается». А голубь? Голубю плевать, какой у вас пробег.

Игнат трёт лицо ладонями. Потом поднимает на меня глаза.

— То есть это я?

— Это не вы виноваты. Это ваш страх. Вы боитесь, что дорогая вещь отнимет у вас деньги и нервы. И этот страх превращает вас в параноика. Машина не проклята. Вы прокляты тревожностью. Снимите с себя Восьмёрку Мечей — и Шут поведёт вас в сад с Туза Пентаклей.

— А что делать с Дорожным радио?

— Выключите кнопкой. Знаете, такая круглая, на магнитоле.

Игнат вдруг смеётся. Коротко, нервно, но искренне.

— Вы странный таролог.

— Нормальный. Я просто умею эти картинки читать быстрее, чем вы.

Он забирает брелок со стола. Крутит в пальцах.

— Знаете, что самое глупое? Я ведь действительно ни разу не съездил просто так. Просто за город. Просто чтобы ветер в окне.

— Так съездите. Сегодня. Прямо сейчас. Возьмите отпуск на полдня.

Игнат встаёт. Улыбается впервые за всю консультацию.

— Я попробую.

— Не пробуйте. Делайте. Шут не пробует — Шут идёт.

Он уходит, и я слышу, как на улице заводится мотор. Мотор работает ровно.

Дима подходит к столику с карамельным латте — для меня, бесплатно, за храбрость.

— Слушай, — говорит, — я всё жду, когда к тебе придёт кто-нибудь нормальный.

— Нормальные не ходят к тарологам.

— А эти?

— Эти — нормальные. Просто у них обострение. Июнь.

Телефон вибрирует — сообщение от Анжелики.

Анжелика: «У меня клиентка. Спрашивает, можно ли по натальной карте определить, проклята ли её стиральная машина. Июнь — это диагноз».

Я: «Отправляй ко мне. У меня сегодня день транспортных средств».

Анжелика: «Бери в два раза больше. Стиралка — это Водолей в четвёртом доме».

Я: «А голубь?»

Анжелика: «Голубь — это просто голубь».

Я допиваю латте и думаю, что надо написать в паблик что-нибудь про технику и человеческую тревожность. Но сначала — домой. Лёня обещал заказать пиццу.

Глава 3

Кот, который гулял сам по раскладу

Клиентка с котом пришла не на следующий день, а через два. Я как раз допивала третий американо и думала о том, что июнь в Петербурге — это такой месяц, когда даже кофе не бодрит, а просто не даёт упасть лицом в стол.

Анжелика прислала мне голосовое: «Ретроградный Меркурий официально начался. Можешь вешать табличку "Добро пожаловать в дурдом"». Я ответила: «У меня и так полная запись. Меркурий ни при чём, это белые ночи».

Клиентку звали Вероника. Она была из тех женщин, которые выглядят так, будто сошли с обложки журнала «Идеальный быт» — светлые волосы убраны в небрежный пучок, льняное платье, парусиновые туфли. В руках — переноска. В переноске — кот.

Кот был рыжий, с наглой мордой и таким выражением глаз, будто он пришёл не на консультацию, а на аудит.

— Здравствуйте, — сказала Вероника, ставя переноску на стул рядом с собой. Кот немедленно начал тереться о решёт-

ку и издавать звук, похожий на недовольный трактор.

— Ася, — представилась я. — А это...

— Бонифаций. Можно просто Боня.

Боня посмотрел на меня и медленно моргнул. Я восприняла это как знак уважения. Или как угрозу. С котами никогда не знаешь наверняка.

— Кофе? — предложила я, понимая, что вопрос риторический — у неё обе руки заняты переноской, а Боня явно не собирается делить стул с американо.

— Нет, спасибо. Я, собственно, по делу.

— Я так и поняла. Обычно с котами ко мне не ходят. С попугаями — было. С котами — дебют.

Вероника вздохнула и посмотрела на Боню с таким выражением, с каким матери смотрят на трудных подростков.

— Понимаете, Ася, — начала она, — у Бони проблемы с социализацией. Он ворует.

Я откинулась на спинку стула. Боня замурчал громче —

видимо, слово ворует ему нравилось.

— Что именно он ворует?

— Всё. Носки. Резинки для волос. Колпачки от ручек. Но это ладно, это мелочи. Проблема в том, что он начал приносить чужие вещи.

— Чужие — это чьи?

— Соседей, — Вероника понизила голос. — Понимаете, у нас квартира на Васильевском, старая, с общим коридором. Боня выходит гулять. И возвращается. С трофеями. Вчера принёс мужской носок. Не моего мужа. Позавчера — зажималку. Я не курю. Муж не курит. До этого была губная помада. Красная. Я не крашусь в красный.

Я сделала глоток американо, чтобы скрыть улыбку. Дима за стойкой, кажется, перестал дышать — настолько он втянулся в историю.

— И вы хотите, чтобы я... что? Сделала расклад на кота?

— А вы можете?

Технически — да. Колода у меня есть. Кот — вот он. Во-

просы — имеются. Но этический кодекс таролога не предусматривает работу с животными. С другой стороны, этический кодекс таролога вообще многого не предусматривает, и я каждый раз дописываю его под сидящим напротив человеком. Или котом.

— Давайте так, — сказала я. — Расклад я сделаю. Но не на Боню. А на вас. Потому что кот — это отражение хозяйки. Как машина у меня вчера была отражением хозяина. Если Боня таскает чужие вещи, значит, он транслирует что-то, что происходит у вас в доме. Или в голове.

— Думаете?

— Уверена. Кошки вообще — диагностический инструмент. Тоньше всякого МРТ.

Я разложила платок, перетасовала колоду. Боня следил за моими руками, как футбольный комментатор за мячом — не отрываясь. Когда я положила колоду на стол, он потянулся лапой и попытался сбить верхнюю карту.

— Боня! — одёрнула Вероника.

— Ничего, — сказала я. — Пусть выбирает. Будет расклад с кошачьим участием. В конце концов, он главный фигурант.

Боня сбил три карты. Я перевернула их по очереди.

Первая — Паж Кубков. Юноша с чашей, из которой выглядывает рыба. Мечтательный, романтичный, немного не от мира сего.

— Паж Кубков, — сказала я. — Это про послания. Про новости. Про что-то, что приходит извне. Боня приносит вам вещи. Но вопрос: откуда?

Вероника нахмурилась.

— Я же говорю — из коридора. Там сушится бельё у соседей. Иногда вещи падают.

— А чьё бельё?

— Ну... В основном соседа слева. Его зовут Игорь. Он живёт один.

Вторая карта — Двойка Кубков. Пара, которая смотрит друг на друга и протягивает друг другу кубки. Между ними — кадуцей. Гармония, взаимность, симпатия.

— Двойка Кубков, — произнесла я с расстановкой. —

Классическая карта отношений. Симпатия. Взаимность. В некоторых позициях — намёк на флирт.

Вероника покраснела. Ровно так, как краснеют люди, которым нечего скрывать, но которые боятся, что скрывать есть что.

— Это не то, что вы подумали!

— Я ничего не думаю. Я читаю карты. Они говорят — симпатия. Не обязательно ваша. Может быть...

— Может быть — что?

Третья карта — Шестёрка Пентаклей. Богач раздаёт милостыню. Один получает, другой даёт. Баланс. Обмен.

— Шестёрка Пентаклей, — сказала я. — Карта обмена. Кто-то даёт, кто-то берёт. В вашей ситуации — Боня даёт вам вещи. Но он их откуда-то берёт. Вопрос: почему Игорь оставляет вещи там, где Боня может их достать?

Повисла пауза. Боня зевнул. Вероника смотрела на карты так, будто они только что выдали явку с повинной.

— Вы хотите сказать... — начала она.

— Я хочу сказать, — перебила я, — что ваш кот не ворует. Он — посредник. Игорь оставляет вещи. Боня приносит их вам. Это классический треугольник: один роняет, второй подбирает, третий интерпретирует. Может быть, Игорь просто рассеянный. А может быть, он ищет повод для знакомства. Или для разговора. Или для чего-то ещё. Карты говорят: симпатия. Но карты не говорят, с чьей стороны. Они говорят — она есть в системе.

Вероника задумалась. Боня тем временем снова протянула лапу и сбил четвёртую карту. Я перевернула.

Императрица.

— О! — сказала я. — Мать-настоятельница нашего бредового шоу. Императрица говорит: плодородие. Изобилие. Женская энергия. Возможно, вам стоит обратить внимание на то, что происходит вокруг вас. Не отмахиваться. Не списывать на кота. А просто — заметить.

Вероника долго молчала. Потом сказала:

— Он, кстати, всегда улыбается, когда встречается меня в коридоре.

— Кто? Боня?

— Нет. Игорь.

— Ну вот. А вы мне про кота.

Она рассмеялась. Боня замурчал. Дима за стойкой сделал вид, что роняет чашку — просто чтобы разрядить обстановку.

Когда Вероника уходила, я сказала ей на прощание:

— Знаете, что самое забавное? Если бы не Боня, вы бы никогда не пришли к тарологу. И, возможно, никогда бы не задумались, почему вам приятно встречать Игоря в коридоре.

— Думаете, это судьба?

— Думаю, это кот. Но коты иногда работают лучше судьбы. У них лапы мягче.

Она ушла, а я открыла Телеграм.

Я: «У меня был кот. Кот ворует носки у соседа. Расклад показал симпатию».

Лёня: «у кота или у соседа?»

Я: «у хозяйки и соседа. кот — соучастник».

Лёня: «это гениально. напиши книгу «Кот как инструмент таро»».

Я: «сначала допишу эту».

Я отложила телефон и повернулась к Диме.

— Знаешь, что я поняла за эту неделю?

— Что?

— Люди приходят с вопросами про мужей, машин и котов. Но на самом деле они приходят с вопросом «меня ещё можно полюбить?». И карты говорят: да. Всегда да. Просто иногда ответ приходит в зубах у рыжего кота.

— Глубоко, — сказал Дима и налил мне карамельный латте. — Я бы подписался на твой паблик.

— Ты уже подписан. И лайкаешь каждую запись. Я вижу.

Дима покраснел и ушёл протирать кофемашину. А я открыла заметки и написала пост:

«Расклад на кухне»

Сегодня консультировала кота. Серьёзно. Кот Бонифаций пришёл с хозяйкой. Пока я делала расклад, Боня сбил четыре карты лапой и дал больше инсайтов, чем некоторые клиенты за час. Коты — прирождённые тарологи. Они ничего не говорят, но все всё понимают. И носки воруют. Возможно, это часть метода.

Глава 4

Стартап, мама и Тройка Мечей

Клиент на четверг записался заранее — что само по себе было подозрительно. Обычно народ звонит в панике: «Ася, можно сегодня? У меня срочно!» — и я вписываю их в окошки, жертвуя обедом. А этот записался за неделю. Прислал тему: «Бизнес. Стратегия. Развитие». Сухо, по-деловому. Я даже забеспокоилась — не пришёл ли ко мне наконец нормальный человек.

Не пришёл.

Его звали Вадим. Тридцать два года. Хороший костюм, дорогие часы, уверенная походка. Сел за столик, положил перед собой телефон экраном вниз — сразу видно, человек деловой, привык контролировать информационные потоки.

— Американо, — сказал он Диме. — Без сахара.

— Имбирный сироп добавить? — уточнил Дима. — У нас имбирный — к драме.

— Без драмы, — отрезал Вадим. — У меня стартап.

Дима многозначительно посмотрел на меня. Я сделала лицо кирпичом.

— Ну, давайте посмотрим, что там у вас, — начала я, разворачивая платок. — Рассказывайте.

Вадим рассказывал минуты три. Быстро, чётко, с цифрами. Финтех-приложение. Управление личными финансами. Искусственный интеллект анализирует траты и даёт рекомендации. Команда — восемь человек. Инвестиции — полтора миллиона рублей от частного инвестора. Проблема: рост остановился. Пользователей — двенадцать тысяч, и цифра не двигается уже два месяца.

— Конкуренты? — спросила я.

— Есть. Но мы лучше. У них интерфейс как из двухтысячных, а у нас — дизайнер из Стокгольма.

— Маркетинг?

— Таргет, блогеры, подкасты. Всё, что можно.

Я тасовала колоду. Вадим смотрел на карты с лёгким скепсисом — видимо, пришёл не потому, что верил, а потому,

что «попробовать всё».

— Давайте сделаем расклад на три карты, — сказала я. —
Что мешает росту. Где ресурс. Куда двигаться.

— Давайте.

Первая карта — Тройка Мечей. Сердце, пронзённое тремя мечами. Дождь на фоне. Классика жанра, и классика неприятная.

— Тройка Мечей, — говорю я. — Боль. Разочарование. Что-то, что вы носите в себе и не признаёте.

Вадим поджал губы.

— У меня нет никакой боли. У меня бизнес.

— Карты говорят иначе. Тройка Мечей — это не про кассовый разрыв. Это про сердце. Кто вас предал?

Он молчит. Я не тороплю. В «Жуке» гудит вентилятор. Дима звенит чашками. Проходит, наверное, секунд двадцать.

— Ладно, — говорит Вадим. — Полгода назад от меня

ушёл сооснователь. Мы начинали вместе. Он писал код, я привлекал деньги. А потом он сказал, что проект — тупик, и ушёл в Яндекс. Просто взял и ушёл. За неделю до запуска.

— И вы не переживали?

— Некогда было. Мы наняли нового разработчика. Закрыли дыру. Поехали дальше.

— Поехали-то поехали, — я показала на карту. — Но сердце пронзено. Вы не простили. Даже не позлились толком. Вы просто запретили себе это чувствовать, потому что «бизнес важнее». А оно осталось. И теперь фонит.

Вадим смотрит на Тройку Мечей. Потом на меня.

— И как это связано с ростом?

— Напрямую. Вы боитесь снова довериться. Вы всё делаете сами. Не даёте команде свободы. Потому что тот, кому вы доверяли, ушёл. И теперь ваш стартап — это не стартап, а осаждённая крепость.

Вторая карта — Император. Мужчина на троне. Структура, порядок, власть. Карта номер четыре.

— Император, — говорю. — Это вы. Лидер. Стратег. Человек, который всё держит под контролем. В этом ваша сила. Но Император без гибкости превращается в тирана. Команда вас уважает, но боится предложить идею. Потому что Император сказал «я сам».

Вадим трёт подбородок. Кажется, он начал слушать не просто из вежливости.

— Есть такое, — признаёт. — Я микроменеджерю. Девчонки из маркетинга меня боятся.

— Ещё бы. Император на троне — это красиво. Но он сидит один.

Третья карта — Шестёрка Кубков. Дети в саду. Один даёт другому цветок. Ностальгия. Прошное. Идеализация того, что было.

— Шестёрка Кубков, — я откинулась на спинку. — Смотрите. Эта карта говорит: вы всё ещё оглядываетесь назад. На то, как вы начинали. На того сооснователя. На «золотые дни», когда всё было легко и вы верили друг другу. Вы сравниваете нынешнюю команду с тем идеальным прошлым. А прошлое всегда выигрывает — потому что его уже нет.

— И что делать?

— Для начала — оплакать ту историю. Серьёзно. Тройка Мечей требует слёз. Не обязательно буквально. Просто признать: мне было больно. Я потерял друга. Я злюсь. А потом — отпустить. И посмотреть на Императора. Он сильный. Но он может быть не только командиром, но и отцом. Тем, кто растит. Кто слушает. Кто даёт свободу.

Вадим долго смотрит на Шестёрку Кубков. Потом говорит тихо:

— Мы с ним с института дружили. С общаги. Он меня на свадьбе свидетелем был.

— Вот это всё — оно не исчезло. Просто теперь это не бизнес-партнёрство. Это воспоминание. А бизнес у вас новый. С новыми людьми. И им нужно доверять.

Он кивает. Потом вдруг улыбается — кривовато, но искренне.

— Я вообще-то к вам шёл как к маркетинговому консультанту. Думал, вы мне скажете — ребрендинг, SMM, прогреть аудиторию.

— А я вам сказала: простите бывшего друга и перестаньте кошмарить отдел маркетинга.

— Звучит как план.

— Я вам ничего не говорила, — говорю я фирменным тоном. — Карты сказали. Я просто перевела с таросьего на человеческий.

Вадим платит за консультацию и заказывает у Димы латте. С имбирным сиропом.

— Вы же говорили — без драмы, — напоминает Дима.

— Передумал. Имбирь — самое то.

Вечером я сидела дома. Лёня кодил на кухне, потому что там розетка удобнее. Я листала телефон и думала о Вадиме, о его Тройке Мечей и о том, сколько людей ходят с невыплаканными потерями, замаскированными под «у меня всё нормально, просто бизнес не растёт».

Написала пост в паблик:

«Расклад на кухне»

Сегодня был клиент-стартапер. Пришёл за стратегией ро-

ста. Ушёл с Тройкой Мечей и разговором о бывшем друге. Бизнес — это часто не про деньги. Это про то, кого мы не простили, кому не сказали «мне больно» и от кого ждали большего. Карты — безжалостная штука. Они всегда показывают не проблему, а её корень. Корень обычно в сердце. И он пронзён.

Проверьте свои стартапы. Может, они не растут не потому, что таргет плохой. А потому что вы не плакали полгода.

Лёня прочитал пост и прислал в Телеграм (хотя сидел в трёх метрах):

Лёня: «сильно»

Я: «спасибо»

Лёня: «у меня нет непрощённых сооснователей. у меня только ты. ты меня не предавала»

Я: «я тебя тоже»

Лёня: «стартап мечты»

Я улыбнулась и пошла на кухню. Лёня как раз дописывал какой-то патч. Или коммит. Или что там у них происходит в мире бэкенда. Я налила нам чай и села рядом. Без карт. Без раскладов. Просто так.

Глава 5

Дело о похищенной судьбе

Пятница в «Жуке» — день особенный. Дима печёт имбирное печенье, и запах стоит такой, что даже самые тревожные клиенты на минуту забывают о своих проблемах. Правда, печенье у Димы вечно подгорелое — он отвлекается на подкаст про берестяные грамоты и вспоминает о духовке, когда уже поздно. Но мы все привыкли. Подгорелое печенье — часть атмосферы. Как дождь за окном, как вентилятор-кукурузник, как моя колода, которая уже знает о петербуржцах больше, чем участковый терапевт.

Клиентка пришла ровно в три. Я сразу поняла: будет интересно. Потому что в руках у неё была папка. Не сумочка, не клатч, не телефон — папка. Картонная, на завязках, как в бухгалтерии девяностых. Женщина лет сорока пяти, в очках, с причёской «я сама себя стригу, и мне норм». Глаза горят праведным гневом.

— Здравствуйте, — сказала она, садясь. — Меня зовут Светлана. Мне вас рекомендовали как человека, который не врёт.

— Польщена, — ответила я. — Но сразу предупреждаю: я не волшебник. Я просто умею картинки читать быстрее, чем вы.

— Мне не нужен волшебник. Мне нужен свидетель.

Она развязала папку и выложила на стол три предмета: распечатку из соцсетей, фотографию какой-то женщины и скриншот переписки.

— У меня украли судьбу, — сказала Светлана.

Дима за стойкой перестал греметь чашками. Вентилятор сделал «вжжж» и на секунду замолк, будто тоже прислушался.

— Давайте по порядку, — сказала я, внутренне готовясь к чему-то среднему между детективом и абсурдистской комедией. — Кто украл? Какую судьбу? В чём состав преступления?

Светлана поправила очки и начала. История была такая.

Два года назад она завела блог. Про вязание. Вязала свитера с норвежскими узорами, выкладывала в Инстаграм, собирала лайки. Подписчиков было немного — человек триста.

Но Светлана мечтала о большем: о мастер-классах, о коллаборациях с пряжными брендами, о книге «Вяжем как викинги».

— И вдруг, — она понизила голос до шёпота, — появляется она.

«Она» — это женщина на фотографии. Звали её, по версии Светланы, Алевтина. Тоже вязальщица. Тоже из Петербурга. Только у неё — двадцать тысяч подписчиков, контракт с магазином пряжи и приглашение на федеральный канал.

— Она украла мою судьбу, — повторила Светлана. — Это должно было быть у меня. Понимаете? У меня! Я первая начала вязать оленей!

— Погодите, — я подняла руку. — Олени — это не интеллектуальная собственность. Норвежцы вяжут их лет триста.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.